

Отечественный опыт

РЗАЕВ Эльман Эльманович – аспирант кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; el.rzaev@yahoo.com)

ПАРТИЙНАЯ ЧИСТКА КОНЦА 1920-х – СЕРЕДИНЫ 1930-х ГОДОВ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ: К ВОПРОСУ О РЯДЕ ЗНАЧИМЫХ ИТОГОВ

Аннотация. В статье рассматриваются итоги проведения партийной чистки в Нижегородской краевой партийной организации ВКП(б) в 1929–1930 гг. Анализируются количественные данные об исключенных из партии, об апелляциях на такого рода решения, о социальном составе пострадавших. Автор делает выводы о причинах роста управляемости партии после этой чистки.

Ключевые слова: ВКП(б), партийная чистка, исключение, Нижегородский край, данные, результаты, партийная дисциплина

Любой политической системе крайне важен такой процесс, как ротация кадров. Ничуть не менее важна в рамках политической системы и управляемость кадровыми процессами. Разумеется, в полной мере это относится и к советской системе управления кадрами конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. И то и другое достигалось в тот период времени во многом за счет так называемых чисток на всех уровнях.

Исследователи справедливо отмечали, что «инструментом борьбы против разлагавших РКП(б) изнутри явлений и процессов стали, начиная с 1921 г., регулярные чистки партийных рядов». Именно «механизм чисток как инструмент реализации партийного контроля помогал партийно-политической системе Советского государства не только избавлять партию от вредного балласта в виде алкоголиков, “шкурников” и нарушителей моральных норм, но и повышать ее управляемость за счет исключения тех, кто не проявлял достаточной готовности немедленно и беспрекословно реализовывать партийные директивы» [Санников 2018: 14]. В условиях нарастания трудностей и на кризисных этапах (в условиях перехода к нэпу и затем его свертывания) последнее становилось для партийной машины нарушениям партийной дисциплины выходило в деятельности контрольных органов на первый план.

Астраханский исследователь А.О. Тюрин отмечал, что «уже в середине 1920-х гг. все отчетливее складывалась партийная номенклатура, которой полагались льготы и привилегии, а членство в партии являлось чуть ли не главным условием продвижения по карьерной лестнице, особенно в условиях начавшегося процесса выдвижения кадров. Для борьбы с бюрократизацией, со злоупотреблениями в партии стали применяться так называемые чистки, которые были направлены на отсеивание “нездоровых карьеристов” и “ненужного балласта”» [Тюрин 2014: 170].

Как нам представляется, приведенные выше точки зрения не в полной мере отражают сущность того, что понимается под партийными чистками конца 1920-х – середины 1930-х гг., во всяком случае на региональном уровне (впрочем, мы признаем при этом же, что существовали общесоюзные требования

по проведению чисток¹). Формально кампании по чистке «имели одинаковую цель: удаление из партии и с государственных должностей идеологически “чуждых” власти коммунистов и работников» [Абракова 2003: 240]. В реалиях конца 1920-х годов под таковыми прежде всего понимались «все другие группы внутри партии, способные к самостоятельному мышлению, к активной работе», которые «неизбежно становились оппозициями, противостоящими “генеральной линии”». Единство достигалось путем отсекающего от партии всех несогласных» [Камалова 2009: 109].

В Нижегородском крае чистка, которой руководила Нижегородская краевая контрольная комиссия — Рабоче-крестьянская инспекция (НижкрайКК-РКИ), позволяет сделать и иные, не столь однозначные выводы. Итак, по итогам чистки, проведенной в период 1929–1930 гг., был исключен из краевой организации 6 251 коммунист, что составляло 8,1% членов ВКП(б) и кандидатов в члены ВКП(б) в крае, причем мужчин — 9,5%, а женщин — 4,5%².

Следующий важный момент, который нам следует отметить: в период проведения этой партийной чистки рабочих исключили только 5,9%, крестьян — 12,1%, а служащих — 9,6%. На основании принятого решения о чистке апелляцию подали 439 рабочих (28,5%), 327 крестьян (21,3%) и 772 служащих (50,2%)³. Тут все тоже вполне логично — рабочим доверяли больше, чем «мелкобуржуазной массе» крестьян и «образованным» служащим, а вот умения писать ходатайства, жалобы и иные подобные документы было больше как раз у последних. Другое дело, что перевес в пользу рабочих в плане возможности сохранить свое членство в партии также не был абсолютным. Так что партия, во всяком случае в регионе, не становилась по итогам чистки по-настоящему пролетарской в плане своего социального состава.

Небезынтересны и данные о партийном стаже вычищенных: со стажем до 1916 г. — 1,2%; 1917–1921 — 7,7%; 1922–1923 — 12,1%; 1924–1925 — 7,4%; 1926–1927 — 2%; 1928 — 5,5% и 1929 — 2,9%⁴. Бросается в глаза также большое число «вычищенных коммунистов» из числа вступивших в начале проведения нэпа. Впрочем, тут тоже есть простор для трактовок: «вычищенные» могли быть как жертвами отголосков борьбы в верхах (поддерживали оппонентов И.В. Сталина, сделав неверную ставку), так и даже сторонниками других партий (а то и их членами, пусть и всего лишь рядовыми). Впрочем, иные варианты, связанные не с политической позицией, а с совсем иными вопросами, также могли иметь место.

Далее уместно обратить внимание и на причины исключения, во всяком случае, упомянутые в официальных документах. Итак, 13,7% «вычищенных» жителей Нижегородского края лишились своего партбилета по причине причисления к числу классово-идеологически чуждых элементов. Доподлинно известно о более 10 случаях «вычищенных» за родственные связи с «чуждыми элементами», причем без доказательства сохранения контактов [Абракова 2005: 98]. То обстоятельство, что революцию делали и поддерживали отнюдь не только представители пролетариата, не учитывалось. Впрочем, в данном случае скорее имеет смысл вести речь о критерии, который можно было трактовать различным образом в зависимости от обстоятельств. Это весьма неудобно для объекта управления, но может быть удобным для лиц, принимающих решения.

¹ *Как проводить чистку партии: сборник директивных статей и материалов* (под ред. Е. Ярославского). М.; Л.: Государственное издательство. 1929. 175 с.

² *Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. — июнь 1941 г.* (сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова). 2005. М.: Изд-во ИРИ РАН. Т. 2. С. 42–43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 43.

Имелись и иные примеры двойственности трактовок «вычищения». Так, упоминались «бюрократизм, бесхозяйственность и нарушение трудовой дисциплины» (за это пострадали 5,8% исключенных), а также «пьянство», причем вместе с «религиозными обрядами». Нам не очень понятно, каким именно образом разграничивались «нарушение трудовой дисциплины» и «пьянство», кроме фактов нарушения трудовой дисциплины по причине излишней любви члена ВКП(б) к алкоголю (алкоголизм рассматривался как антипартийное поведение, поскольку руководитель-алкоголик бросал тень и на партию). Опять же могло иметь место противоречие между установкой, гласившей, что «недопустимо мелочное копание в быту коммуниста», и положением, согласно которому «бытовые черты коммуниста, имеющие антиобщественный, антипартийный характер, как систематическое пьянство, а также антисемитизм, религиозность и т.п., несовместимы со званием коммуниста»¹, которое могло быть решено в пользу второго. Впрочем, возможность для произвольного толкования такого положения дел сохранялась.

Кроме того, интересна также такая формулировка, как «пассивное пребывание в партии», за которую пострадали 18,7% исключенных. Тут у членов комиссии опять же имелся простор для трактовки². Кроме того, сама формулировка такого рода явно свидетельствовала, что ВКП(б) не является партией, как ее воспринимали и воспринимают на Западе, но чем-то иным: в нашем случае — частью государственного аппарата.

Таким образом, мы вынуждены признать, что в Нижегородском крае в ходе партийной чистки конца 1920-х гг. допускались произвольные трактовки «прегрешений» партийцев, равно как и имело место банальное сведение счетов [Абракова 2005: 96–97]. Не случайно, что ряд апелляций на решение об исключении из ВКП(б) удовлетворялись, причем почти 60% отмененных решений приходится на местные контрольные комиссии. Отметим также, что на основе обращения к материалам чистки 1929–1930 гг. в Нижегородском крае становится очевидным, что ВКП(б) берет на себя совершенно несвойственные партиям функции и активно вторгается в частную жизнь людей.

Сохранились указанные нами особенности чистки партийных рядов в Нижегородском крае и в 1934–1936 гг. В эти годы также немалый процент «вычищенных» пострадали за пассивность пребывания в рядах ВКП(б), за моральное разложение, за опыт участия в деятельности других партий и сокрытие своего социального происхождения³. Укажем, что в течение этих трех лет активно велась борьба против состоявших в партии бывших сторонников Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева⁴ (для сравнения: несмотря на поражение означенных деятелей советского государства во внутрипартийной борьбе в конце 1920-х гг. в материалах чисток о них не упоминалось).

Кроме того, в 1934–1936 гг. чаще в официальных документах шла речь о формализованном, недостаточно активном участии партийных организаций в чистке⁵, нежели это было в 1929–1930 гг.

Таким образом, следует признать, что в результате партийных чисток к 1936 г. в Нижегородской краевой организации ВКП(б) из партии были

¹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 931. Л. 35.

² *Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. — июнь 1941 г.* (сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова). 2005. М.: Изд-во ИРИ РАН. Т. 2. С. 46.

³ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 147.

⁴ Там же. Л. 153.

⁵ *Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. — июнь 1941 г.* (сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова). 2005. М.: Изд-во ИРИ РАН. Т. 2. С. 73.

исключены лица, не вызывавшие доверия у руководства в силу своих деловых и личностных качеств, а также политически неблагонадежные партийцы, причем вне зависимости от того, насколько они отказались от своих прежних убеждений (неважно, эсеровских или троцкистских). То есть, уровень монолитности – как социальной, так и идейной – партийных рядов в краевой организации вырос.

Список литературы

Абракова Т.А. 2003. Новые источники для изучения чистки партии и госаппарата в 1929–1930 гг. – *Отечественная история XIX–XX веков: историография, новые источники*: материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во НГАСУ. С. 239-243.

Абракова Т.А. 2005. *Советское общество 20–30-х годов XX века: опыт политического контроля (на материалах партийной Контрольной комиссии)*. Н. Новгород: Изд-во НГАСУ. 143 с.

Камалова Г.Т. 2009. Идеологические основы становления советской модели правоохранительной системы (1921–1929 гг.) – *Вестник Томского государственного университета*. № 320. С. 109-112.

Санников В.А. 2018. Партийный контроль и чистки РКП(б)–ВКП(б) в Москве в 1920-е – первой половине 1930-х гг. – *Актуальные проблемы истории, политики и права*: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Изд-во ПГУ. С. 13-17.

Тюрин А.О. 2014. Социально-политический контроль в партийных организациях ВКП(б) советской провинции в конце 1920-х – 1930-е гг. – *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 11-1(49). С. 170-174.

RZAEV Elman Elmanovich, postgraduate student at the Chair of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – the Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; el.rzaev@yahoo.com)

PARTY PURGE OF THE LATE 1920s – MID 1930s IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION: TO THE QUESTION OF A NUMBER OF SIGNIFICANT OUTCOMES

Abstract. The article discusses the results of the party purge in the Nizhny Novgorod regional organization of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1929–1930. Quantitative data on those excluded from the party, on appeals against such decisions, and on the social composition of the victims are analyzed. The author makes conclusions about the reasons for the growth of the manageability of the party after this purge.

Keywords: All-Union Communist Party (Bolsheviks), party purge, exclusion, Nizhny Novgorod Region, data, results, party discipline
